

Сетtimiо Вaлoри

Сеттимิโอ Валори.
Бесконечно занимается самооправданием. Редкая серость, что отталкивает даже самых доброжелательных людей.
Как и подобает серости, путает Пампанини с Лоллобриджидой¹. При этом считает, что высказывает оригинальные и умные мысли.

Снимает любительские короткометражки сомнительного качества.

Имеет четкое мнение о тех, кто его поддерживает, и о тех, кто обливает грязью.

У первых — проблемы с психикой, у вторых — с сексом.

Вечно подавлен, мрачен, закомплексован, жалуется на жизнь, считает себя жертвой, преувеличивает собственное значение. Заболевая с температурой, провозглашает конец света.

Перечень того, что вызывает у него раздражение, поспорит по длине с Ветхим Заветом.

На первом месте по понятным причинам — солнечные очки и их владельцы.

¹ Пампанини Сильвана, Лоллобриджиды Джина — знаменитые итальянские киноактрисы.

Близко к вершине пьедестала стоят французы, к месту и не к месту восклицающие “voilà”.

Но все же на втором месте те, кто говорят “как-то так”.

В подобных случаях Сеттимิโอ непременно спросит со скрытым коварством:

— Как-то так — это как? Очень интересно узнать.

Он ненавидит книги, в которых автор обращается к читателю на “ты”. Считает это высокомерием: автор заранее уверен, что у него найдется читатель.

В двадцать два года с Сеттимิโอ происходит событие, которое оставит след в его жизни.

Пока он в необычайно приподнятом настроении прогуливается в Неаполе по виа Пессина, с пятого этажа ему прямо на голову падают запеченные с томатом и пармезаном баклажаны.

За мгновение до того, как почувствовать боль, он улавливает притягательный аромат — его ни с чем не спутать. Так притягивает детей запах моря. И тут Сеттимิโอ обливают соусом.

Спасает его лишь то, что драгоценное лакомство приготовлено на одноразовом противне из легчайшего алюминия — такие продаются в дорогих супермаркетах.

Свидетельницы происшествия, две стоящие неподалеку толстухи, хохочут до слез. Они жуют бутерброды, но, увидев, как еще дымящаяся вкуснятина плюхнулась и размазалась по тротуару, не сговарива-

ясь, думают: неплохо бы макнуть бутерброд в разлившийся соус.

Толстухам придется отказаться от этой затеи: они смеются и не могут остановиться, разглядывая охваченного паникой и облитого соусом Сеттимิโอ.

До конца жизни Сеттимิโอ будет подозревать, что толстухи оказались там не случайно, что они сообщницы того, кто попытался совершить преднамеренное убийство.

Гипербола “преднамеренное убийство” говорит о ярко выраженной инфантильной тенденции к преувеличению.

С этого дня Сеттимิโอ Валори перестает получать удовольствие от прогулок.

Следующим утром он шагает по середине улицы, потом шустро юркает в книжный.

Чтобы произвести впечатление на продавщицу, он покупает “Таргантюа и Пантагрюэль” Рабле.

Но девушка даже не обращает внимания, какую книгу приобрел юный Сеттимิโอ.

Проявив необычное для него, невиданное упорство, он предлагает ей выпить кофе.

Не колеблясь, она отвечает, демонстрируя свой талант формулировать мысли кратко и убедительно:

— Пошел вон!

Сеттимิโอ заключает, что ассортимент в книжном скудный и что ноги его здесь больше не будет.

Рабле он бросает на пятнадцатой странице, мало-душно заключив, что критики явно переоценили это произведение.

Теперь он часто заходит в церковь. Слушает тишину, наслаждается царящей там прохладой. Вдыхает ни на что не похожий аромат святости. Бродит вокруг исповедальни в надежде узнать о чужих грехах. Но никак не застанет обряд отпущения.

Однажды Сетtimiо ловит обрывок фразы, которую шепчет какая-то женщина, приводя его в смятение.

Женщина говорит:

— Падре, я сказала мужу, что предала его, но это неправда. А он мне больше не верит. И страдает.

Священник молча качает головой. Из-за этого у него из носа капаят на одеяние густые белые сопли.

Входя в церковь, Сетtimiо всякий раз терзается гамлетовским вопросом: перекреститься или не перекреститься? В итоге крестится, только когда ловит на себе осуждающие взгляды прихожан.

Из церкви он всякий раз выходит с решительным и дерзким видом, словно только что открыл заговор или расставленную врагами ловушку.

Теперь, появляясь на улице, Сетtimiо не осмеливается поднять глаза: он боится, что все стоят у окон, готовые забросать его кассетными бомбами из запеченных с томатом и пармезаном баклажанов.

В эти же трудные годы молодости Сетtimiо попадает фраза, которая раскрывает ему глаза.

Фраза принадлежит Селину:

“Страдания этого человека превышали его уровень образования”.

Слова Селина подталкивают Сеттимิโอ Валори к тому, чтобы решительно разделить людей на две категории.

На тех, что бросают учебу и терпят страдания.

На тех, что не сдаются, лезут из кожи вон, но все равно обречены страдать.

После подобной инъекции оптимизма он не может избавиться от одной навязчивой мысли.

Поскольку в детстве Сеттимิโอ часто падал и ударялся головой о пол, он боится, что, когда вырастет и непременно облысеет, все увидят, что его голова усыпана шишками.

Зато он отмечен даром (или проклятием) меланхолии.

Поддавшись ностальгии, он тоскует по жизни, которую вели незнакомые предки, — тихий шепот, горящие свечи.

Он помнит, что в детстве любил снег.

И ожидание Рождества.

И воскресное утро.

И как они останавливались в закусочной у авто-страды.

Дешевые пластмассовые пистолеты, из которых вылетали искры.

Как его громко чмокает в щеку красавица мама.

Зато времени любоваться деревьями и цветами у него не было.

Его жизнь превратилась неизвестно во что с тех пор, как он поймал на себе нетерпеливый, усталый взгляд отца. Отец ждал его у карусели, пока девятилетний Сетtimiо, притворяясь беспечным, карабкался на белую лошадь из поцарапанного стеклопластика.

Без шуток: такие удары не проходят бесследно.

Память — как карусель, которая крутится вхолостую. Говорят, тогда она крутится быстрее и красивее.

И вообще, хотите кататься на каруселях? Ладно, тогда карусели должны быть красивые, блестящие, без царапин.

Из-за подобных воспоминаний и переживаний Сетtimiо, приехав отдохнуть вне сезона на остров, говорит сам себе: “Порой я словно заново переживаю трудные годы детства”.

Правильно, в детстве солнце светило ярче. И что с того?

Словно затертая фраза не может быть правдой.

Вечером, чтобы уснуть, он представляет, как забивает гол, перекидывая мяч через себя.

Во сне ему снится, что он не спит.

Как все неаполитанцы, он притворяется, что любит море.

Когда Сеттимิโอ неуклюже ныряет, за то мгновение, пока еще не коснулся воды, он успевает подумать:

“Мне хана”.

В двадцать четыре года, когда появляются первые признаки уходящей молодости, он падает на кактус.

Данный этап жизни официально завершается сентябрьским днем.

Прогуливаясь по виа Скарлатти, он слышит, как девочка говорит маме:

— Я хочу лысую собаку.

— Не капризничай, — отвечает мама.

Так и заканчивается молодость.

Наступает день, когда никто больше не просит тебя не капризничать.

Потому что ты сам больше не капризничаешь.

Зато ты можешь ступить на путь порока.

Или искать с миром общий язык.

И то, и другое весьма утомительно.

Однажды вечером, когда он уже на полпути к зрелости, Сеттимิโอ случайно слышит, как юноша, пытаясь завоевать девушку, говорит:

— На Пруста выражение “прожить свою жизнь” нагоняло тоску.

Сеттимิโอ Валори немедленно решает, что эта фраза станет его кредо.

Если проживать свою жизнь — тоскливое дело, остается проживать чужие.

Главным образом, по сей низменной причине он решает заняться кино.

Если механизм твоей жизни барахлит, попробуй заставить работать чужой.

Так жизнь Сетtimiо Валори плавно перетекает в зрелость. Прозрачный ручей впадает в грязное море.

С поразительной быстротой он прибавляет к своим юношеским порокам новые, взрослые.

Он не только не в состоянии сформулировать достойные внимания мысли, но и с трудом договаривает начатую фразу.

Хромающие идеи натываются на лепетанье пустоты.

Сетtimiо не способен сосредоточиться, это поверхностный, бесчувственный, ленивый человек.

У него не очень грамотная речь.

Лакуны в знаниях преследуют и окружают его, как тигры злодея-охотника.

Разумеется, корень зла — чувство неудовлетворенности.

Не доверяя восторгам, зевая в компании циников и жертв депрессии, он постепенно заражается равнодушием и превращается в человеконенавистника.

При этом у него развивается мстительность. Но и с ней не все хорошо. Ему не хватает смелости довести благородное искусство мести до логического конца.

Он останавливается на полпути, боясь ответных ударов и все больше запутывая проклятый клубок.

Чтобы покарать свое несчастное детство, он беззастенчиво распекает малышей.

А ведь на самом деле детство у него было прекрасным.

Порой он ищет обходной путь — иронию, добиваясь при этом незавидных результатов.

На люди он предпочитает выходить с двумя приятелями: те беседуют между собой, он рассеянно слушает.

Можно подумать, что он любит рассказывать истории, но и это неправда.

Единственная история, которую ему хотелось бы рассказать — его собственная, но на это у него не хватает духу.

Не потому, что он стесняется, а потому, что ему невыразимо больно.

(Цензуру придумали не моралисты, а те, кто страдает.)

Поэтому он бултыхается в затхлом пруду мелкой страсти рассказывать чужие или выдуманные истории.

Получается у него неплохо, он ловко обманывает ближних. Одним словом, блефует.

Одно утешение: блефуют все.

Куда ни ступи, все кричат, что их история непохожа на другие. На самом деле похожа как две капли воды.

В этом он твердо стоит на своем. Не идет на уступки. Никого не слушает.

И как же ему быть?

О, Господи!

Трудиться, чтобы блефовать лучше и удачнее других.

А если его спрашивают:

— Разве не все блефуют?

Он, не раздумывая, выпаливает:

— Нет, не все: моя мама — нет.

Жизнь начинает казаться ему адом.

Те, что разговаривают с Сеттимิโอ, не отрывая от него взгляда, вызывают у него чувство неловкости. За это он их терпеть не может. Те, кто отводит взгляд, кажутся ему равнодушными, снобами, апатичными, отсутствующими. За это он их тоже терпеть не может. Разумеется, ему кажется, что его окружает толпа снобов, равнодушных, апатичных, отсутствующих людей, у которых в жизни одна цель: вызвать у него чувство неловкости.

У него постепенно созревают собственные убеждения.

Самое твердое такое: влажные салфетки — ди-ковинные предметы, одновременно притягательные и отталкивающие.

Еще его смешит слово “вавилонский”.

Мелкая ссора с женой по поводу пикника.

Она считает, что пикник — это весело. Он пойдет только в ресторан.

Отстаивая свое мнение, он решается провести сложную параллель: ресторан — это удобный, шикарный автомобиль, пикник — все равно что путешествие на плуге, который тянут быки.

Приехав в отпуск в Египет, Сеттимิโอ отправляется на экскурсию в Сахару. Сидя верхом на верблюде, которого ведет ряженный бедуин, он внезапно понимает с обезоруживающей ясностью, что жизнь бывает ужасна.

Несколько минут спустя, продолжая путешествие на загадочном звере, он вспоминает, как мама готовила ему сабайон с капелькой кофе.

Внезапно все видится в ином свете, жизнь представляется незабываемым приключением.

Что касается юмора, он тоже твердо стоит на своем. До остервенения.

Вот пример:

“То, что некоторое место существует, подтверждается наличием в нем неаполитанца.

То, что некоторое место существует и в нем есть жизнь, подтверждается только наличием в нем пиццерии, хозяин которой неаполитанец.

То, что на свете существуют нехорошие места, подтверждается только наличием пиццерии, хозяин которой — неаполитанец, бежавший сюда из-за членства в каморре или из-за кучи долгов”.

Вот вам образчик иронии Сеттимิโอ.

Понятно, почему жена уходит от него к нота-

риусу, готовому поспорить в серьезности с работником похоронной конторы.

Возможно, с ним она не обретет счастья, зато ей не придется тратить половину жизни на поддержание жалких попыток Сеттимิโอ Валори ее расшевелить.

Зато у Сеттимิโอ нет времени страдать: теперь он с двойной энергией придумывает шутки, подобные той, что мы только что прочитали.

Однако с уходом жены он становится вспыльчивым и подверженным настроению.

Стоя под душем, он думает, что в жизни нет ничего невозможного.

Вечером, в постели, замышляет убийство.

Днем ему пока еще хватает ясности ума, чтобы понять: утром он раскаялся в том, о чем мечтал ночью.

Сам того не замечая, со временем он становится спокойнее.

Он даже начинает бывать на людях и однажды принимает от знакомых приглашение на ужин.

Вечер складывается неудачно.

Когда подают первое блюдо, у него выскакивает пломба. Пломба попадает в декантер с драгоценным красным вином 1971 года.

Повисает такая тишина, какую, как говорят, слышно в космосе.

Сеттимิโอ опять почти безвылазно сидит дома.

Одинокие вечера тянутся бесконечно, изматы-

вают, наполнены тяжелыми мыслями и воспоминаниями.

Два воспоминания приходят чаще других.

Первое.

Как мама, когда Сетtimiо был маленьким, чтобы ребенок не лоботрясничал, любила отправлять его одного в кино.

Возможно, тогда-то у него и возникли интерес к кино и чувство одиночества.

Второе.

Как он маленьким с разрешения родителей один пошел к морю. Он переходил страшную дорогу: дорога тянулась вдоль набережной, по дороге носились стаи мопедов. Ему казалось, что мопеды — это велосипеды, которые приняли допинг.

С этими воспоминаниями Сетtimiо засыпает на диване.

Два часа ночи.

Звонит домофон.

В душе Сетtimiо Валори рождается надежда, с которой он прежде был незнаком.

Не обуваясь, он пулей несется к цели.

Это жена.

Жена улыбается. Нечеткое, черно-белое изображение на экране видеодомофона.

Нотариусы — тоже блеф.